

IV.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЗАМЕТКИ ПО ТЕОРИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Р. И. АВАНЕСОВ

Орфография — понятие многозначное. Это и наука о принятых в данном обществе способах и нормах передачи графическими средствами языка и сама система норм письменного языка, которыми должен владеть каждый пишущий и читающий. Генетически письмо и, следовательно, письменный язык появляются на определенном этапе развития общества на базе устной речи, т. е. является производным от него. С точки же зрения синхронной устный язык и письменный язык — это две формы реализации языка, идеальная модель которого заложена в сознании пишущих и читающих. Письменный язык в современном обществе обладает определенными признаками автономии, независимости от устной речи.

Современный культурный человек в значительной степени автоматически владеет навыками письма и чтения. Он читает, зрительно воспринимая целые фрагменты текста, во всяком случае слова и морфемы, скользая взглядом по тексту и фиксируя внимание на его «сильных» местах (например, предикатах), а не по буквам, переводя их в звуки. Однако существуют разные типы чтения и письма. По-разному, например, мы читаем «Вечернюю Москву» (ср. выражения «Вечерка», «пробежать газету»), философский труд или поэтическое произведение. В первом случае налицо непосредственная связь между письменным, графическим языком и смыслом, промежуточный этап — звуковое воспроизведение читаемого отсутствует. Во втором случае не просто читают, но изучают. Это значит, что читая философский труд, мы обычно и перечитываем, возвращаемся, иногда неоднократно, к отдельным частям уже прочитанного текста, чтобы лучше усвоить содержание читаемого. Но здесь также устное воспроизведение обычно отсутствует (хотя в процессе обдумывания возможно произнесение «про себя» или вслух отдельных трудных мест). В обоих случаях, диапазон колебаний темпа чтения практически не ограничен: возможно чтение более быстрое и более медлен-

ное — в зависимости от степени знакомства с материалом, трудности его усвоения, интереса к предмету и т. д. иначе говоря, темп не задан. Другое дело, чтение стихов, например, Блока — ведь они сродни музыке. Здесь появляется необходимость устного воспроизведения текста — в той или иной степени («про себя», «в уме», вслух). Здесь в принципе темп чтения задан (разные по содержанию и стилю стихи требуют разного темпа). Существует много промежуточных типов чтения. Важно отметить, что при определенных типах чтения появляется проблема «исполнителя» (хотя бы в виде внутренней речи, «исполнения для себя»). Естественно, что в музыке проблема исполнения выходит на самый передний план. Тут в еще большей степени темп задан (хотя у разных исполнителей он в определенных пределах и может варьироваться). Думаю, что не так уж неверно будет сказать, что вне исполнения нет музыки. И в этом смысле ноты, клавиш, партитура не есть письменная форма реализации музыки, а представляет собой лишь резервуар условных и очень неполных записей, позволяющих только музыканту во всей полноте их расшифровать и интерпретировать. Таким образом, восприятие письменного языка и чтение (глазами) нот — два процесса принципиально различные. Если при чтении языкового текста проблема «исполнения» находится где-то на периферии, то при чтении нотного текста напротив на периферии и притом отдаленной находится идея, что ноты — письменная реализация музыки. Но в какой-то мере она не неправильна, например, для музыканта-профессионала, композитора, который может читать ноты глазами, во всяком случае внешне (голосом, на инструменте) не воспроизводя музыку. Многие композиторы писали музыку за письменным столом, без инструмента. А. Г. Берлиоз даже считал бичом для композитора наличие у него фортепиано, т. к. оно, по его мнению, не может не накладывать на сочиняемую музыку фортепианной специфики и этим ограничивать возможности красок, нюансировки, фактуры симфонической музыки. Едва ли есть необходимость упоминать, что Бетховен практически не слышал многих своих — и в числе их — лучших произведений, хотя «слышал» их в своем воображении.

Точно так же, как существует много типов чтения, существует и много типов письма (ср. записки на заседании, непосредственная запись — например, письмо близкому другу, написанное «как бог на душу положит», с одной стороны, с другой — обработанные и подготовленные тексты — научная статья, стихи, которые даются с трудом и требуют переделок, иногда неоднократной переписки и в процессе переписки новых исправлений). А что касается стихов, то они в процессе творчества несомненно «произносятся» (хотя бы «про себя»).

Однако вернемся к орфографии. Последняя по самой своей сущности традиционна, т. е. получена в готовом виде каждым индивидом от предыдущих поколений. Ее нормы приняты данным

обществом, привычны и уже поэтому «правильны». Нередко они бывают приняты и в законодательном порядке. Самое важное для общества — единство написаний, существенно облегчающее письменное языковое общение, даже если оно не оптимальное с точки зрения лингвистической. Именно поэтому ни одно даже самое авторитетное лицо не может само по себе, по своей личной прихоти, вносить в принятую орфографию изменения, т. к. подобные изменения неизбежно явятся помехами в процессе письменного общения. Как уже сказано, орфографией пользуются все. Поэтому считается, что в вопросах орфографии разбираются также все — и все они «специалисты» (только медицина может соперничать с орфографией: в ней тоже «все понимают» — «лечат» себя и дают медицинские советы окружающим). Поэтому, когда проводятся в печати дискуссии по орфографическим вопросам, то предложения и критические замечания нередко с завидным апломбом высказывают инженеры, агрономы, ткачихи, доменщики, просто домашние хозяйки, не говоря об учителях, журналистах, писателях, работниках полиграфии. На самом же деле специалистов по орфографии у нас очень мало даже среди лингвистов. А многие предложения, даже если они не совсем необдуманны и безосновательны, обычно удовлетворяют одной какой-либо стороне того сложного по своим функциям и многоаспектного явления, которое называется орфографией.

Орфография как система и орфографическое правило как одно из его звеньев, чтобы быть принятым, должно удовлетворять очень многим разнокачественным требованиям. Это тем более относится к орфографическим новшествам, к введению новых правил. Орфография должна учитывать физиологию чтения и письма, требования полиграфии, психологию обучающегося письму и обучающего (ученика и учителя), удовлетворять требованиям рациональной методики преподавания. Русская орфография должна прежде всего обслужить русское общество, т. е. лиц, родной язык которых русский. При этом она должна быть приемлемой для носителя любого диалектного варианта русского языка. Вместе с тем она должна удовлетворять потребности языкового общения современного поколения с письменным наследием поколений прошедших, т. е. она имеет аспекты не только территориально-диалектный, но и временной. Далее: нельзя забывать, что русским языком пользуются, читают и пишут на нем народы Советского Союза, а также его изучают во всем мире многие миллионы людей. Наконец, нельзя упускать из виду, что современный мир характеризуется все более тесным общением самых разных кругов советского общества со странами социалистического содружества, а также практически со всеми капиталистическими государствами, что растет интернациональная лексика, в особенности терминология, связанная со сферами общественной и политической жизни, науки, техники, искусства, спорта и т. д. Вот какие трудности стоят на пути проведения каких-либо орфо-

графических новшеств. Конечно, последнее слово для предложения принадлежит языковеду-русисту, специалисту по теории письма и орфографии. Но для решения орфографических вопросов необходим учет мнений физиологов, психологов, полиграфистов, педагогов-методистов, диалектологов, историков языка, этимологов, специалистов по иностранным языкам и представителей многих других кругов общественности.

В заключение отметим, что все мы (даже журналисты и писатели) гораздо больше читаем, чем пишем. Надо напомнить и о том, что учатся писать несколько лет, но пишут, а еще более читают всю жизнь. Между тем, когда у нас говорят о необходимости реформировать, совершенствовать или уточнять русскую орфографию, то прежде всего и больше всего имеют в виду обучение письму, т. е. один из многих — хотя и очень важный — аспектов проблемы, именно педагогический. Орфография — явление двустороннее и имеет в виду, с одной стороны, пишущего, с другой — читающего. Она должна в равной мере удовлетворять потребности обеих сторон. С точки зрения пишущего она должна быть разумной, т. е. строиться на закономерных правилах, регулирующих передачу звукового языка в письменной форме. С точки зрения читающего она должна обеспечить зрительно-графическое единство каждой морфемы, избегая обозначения на письме позиционно обусловленных черт устной речи.

Ввиду сказанного любая попытка кодификации орфографии должна иметь свой стратегический план, на почве которого только и могут решаться частные тактические задачи. Стратегический план предполагает предварительную глубокую разработку теории русской орфографии на исчерпывающем лексическом материале, учет направлений развития устной речи и стихийных изменений, колебаний, наблюдающихся в орфографической практике на протяжении, скажем, последнего столетия. При этом надо смотреть вперед на десятилетия, а то и на 100 лет. Только на этой основе можно проводить в практику те или иные даже самые частные изменения. Только в этом случае будет гарантия, что проведенное в жизнь изменение представляет шаг вперед, а не топтание на месте и тем более не шаг назад (что также известно из истории русской орфографии). Такого стратегического плана, так сказать, плана дальнего прицела, общей теоретической основы не было у составителей проекта реформы орфографии, который в основных своих чертах был проведен в 1917 и 1918 гг., ни у многочисленных комиссий, работавших с тридцатых годов до нашего времени.

Важной и принципиальной проблемой является соотношение орфографии и орфоэпии, в теоретическом плане, можно сказать, еще не поставленное. При всей широте, можно сказать, необозримости круга лиц, обслуживаемых русской орфографией, она все же опирается, прежде всего на русских людей, владеющих орфоэпическими нормами. Но эти нормы далеко не в полной сте-

пени кодифицированы, допускают немало вариантов. Поэтому упорядочение, совершенствование орфографии в ряде случаев упирается в вопрос об упорядочении и более строгой кодификации орфоэпии. Может ли и в какой мере нормализация орфографии вторгнуться в самый язык, предполагая изменение фонемного состава или морфемного строения слова, или, наоборот, орфография — диктовать орфоэпическое произношение. Думается, что при достаточном учете тенденций развития языка некоторое — хотя и очень осторожное — «вторжение» орфографии в область устной речи, которое сделает более устойчивым один из орфоэпических вариантов, возможно.

Между тем эта проблема обычно не ставится при решении орфографических вопросов, хотя некоторые предложения затрагивают определенные изменения в устной речи. Таков, например, вопрос о написании двойных согласных не на стыке морфем, которое в массе случаев не опирается на произношение, но в некоторых случаях соответствует долготу произношению согласной. Можно ли игнорировать случаи последнего типа? Другую специфику (здесь налицо тесная связь между произношением и морфологическим составом слова) имеют случаи типа *воспитана* и *воспитанна*, *образована* и *образованна*, *организована* и *организованна* с их различием в семантике при нейтрализации этого различия в ед. числе муж. рода — *воспитан*, *образован*, *организован*. Особый тип, выходящий, строго говоря, за пределы орфографии в область словообразования, представляют случаи *естествен* и *естественен*, *искусствен* и *искусственен*, *свойствен* и *свойственен*. Наконец, принятие ряда «московских» норм произношения или отказ от них меняет соотношение между орфографией и орфоэпией, в одних случаях делая более последовательным наше письмо, в других, напротив, увеличивая разрыв между правописанием и орфоэпией. Так, например, если считать орфоэпическими произношения [уч'џс'] и [н'бсџ], то в первом примере произношение оказывается соответствующим написанию *учусь*, а во втором оно в конфликте с ним. Если считать произношение [скџпнџ] орфоэпическим, то написание *скучно* находится в разладе с ним. Ссылка на то, что <к> чередуется с <ч> (*река* — *речной* и т. д.) недостаточна, т. к. у нас есть написания, которым соответствует чередование <к> с <ш>: *городок* — *городки* — *городошник*, *лоток* — *лотошник*, *рука* — *двурушник*. Орфографически неоправданно несомненно орфоэпическое произношение [шн] на месте [чн] в случаях типа *Савична*, *Ильинична*.

Очень существенное условие целесообразной нормализаторской деятельности в области орфографии заключается в том, что свод орфографических правил и словарь неотделимы друг от друга. Орфографическое правило предполагает универсальность, т. е. должно охватывать любое слово, заключающее данное явление. Однако в орфографии с многовековой историей этого универсализма как раз часто и не оказывается. Тем в большей степени

оценка любого орфографического правила должна основываться на в принципе исчерпывающем словарном материале. Составители некоторых проектов орфографических правил в теории стремились не вносить сколько-нибудь существенных изменений в уже имеющиеся написания. Однако на практике они далеко не всегда выдерживали это положение, т. к. недостаточно учитывали данные словарного состава.

Идеальная орфография должна в максимальной степени соответствовать современной фонологической системе языка, строению слова во всех его элементах, в частности, флексии, отражать связь между словоформами одного слова (лексемами) и группами слов с общими морфологическими элементами. Она должна строиться на последовательно синхронном подходе и опираться на языковое чутье данного языка в данную эпоху и прежде всего молодого и среднего поколения. Но такая орфография, если она вообще возможна, то только при ее создании вновь, т. е. для бесписьменного языка. Впрочем, наша русская орфография в высокой степени соответствует этому идеалу, являясь одной из лучших в мире. Чтобы убедиться в этом, стоит только сопоставить ее, например, с английской или французской. Однако любая орфография с длительной, многовековой историей всегда требует частных изменений, приведения некоторых написаний в соответствие с современным состоянием языка. И русская орфография в этом отношении не составляет исключения.

Идеальная орфография должна быть разумной для читающего и пишущего, т. е. строиться на закономерных отношениях между буквами письменного языка и обозначаемыми ими звуковыми единицами.

Русская орфография обладает удовлетворяющим этому требованию универсальным правилом, которое охватывает значительную часть написаний. Сущность его заключается в том, что буква служит знаком не звука как такового, а фонемного ряда: сильная фонема и все позиционно чередующиеся с ней слабые фонемы передаются на письме одной буквой, соответствующей сильной фонеме. Иначе говоря, все определяемые позиции особенности произношения остаются неотраженными на письме. На этом правиле основано правописание проверяемых безударных гласных, глухих/звонких согласных, обозначение твердости/мягкости и др. Ср. *вода*, *воду*, *вод*, *на воду* ([вдá], [вóду], [вот], [нá вџду]); *кладу*, *кладка*; *воз*, *воза*, *повозка* ([клáдџ], [клáткџ]; [вос], [вóзџ], [пáвóскџ]); корни *вод-*, *клад-*, *воз-* пишутся одинаково вне зависимости от позиционных изменений. Мягкость согласной также обозначается, когда она фонематична, ср. *резьба*, но *изба*. Это — принцип фонематический. Его можно сформулировать и иначе: каждая морфема — корень, приставка, суффикс, флексия — пишется одинаково в соответствии с тем, как произносится каждая данная минимальная звуковая единица в сильной позиции — позиции максимального фонемо-различия.

Следствием применения фонематического принципа является единство графического облика каждой морфемы на письме. Именно благодаря этому следствию многие (в том числе еще до развития фонологии как особой научной дисциплины) фонематический принцип называют морфологическим. Против этого можно не возражать, если под морфологическим принципом не имеют в виду написания других типов (например, *столов* с *в*, *молодого* с *г*, *мышь* с *ь*, морфем и слов с непроверяемыми гласными и согласными в слабой позиции и т. д.). Именно фонематический принцип, доминирующий в русской орфографии, дает оптимальную возможность читателю воспринимать письменный текст непосредственно, без его перекодирования в звуковой. В противоположность фонематической орфографии фонетическую транскрипцию можно считать аналогом музыкальной нотации.

Некоторые считают, что в современных русских текстах около 95% фонематических написаний и всего 5% нефонематических¹. Другие среди фонематических написаний различают абсолютно фонематические написания (например, *дом*, *домá*), которых насчитывают около 73—80%, и относительно фонематические написания (написания типа *собака*, *сапог* с безударными *о* и *а*). Эти последние написания (а слов с непроверяемыми безударными гласными, в том числе частотными, очень много, немало слов с непроверяемыми звонкими/глухими согласными) признаются фонематическими, потому что они читаются однозначно: в предударном слоге *о* может читаться только как [а], *с* в сочетании *сб*, *сд* может читаться только как [з], *в* в сочетании *вт* может читаться только как [ф]. Но это подход с точки зрения читающего. Между тем орфография должна учитывать интересы не только читающего, но и пишущего. Как выглядят эти факты с точки зрения пишущего? На основе какого разумного правила пишется *собака* с *о*, а *сапог* с *а*, *сбруя* с *с*, а *изба* с *з*, *сдоба* с *с*, а *здоров* с *з*, *второй* с *в*, а *втор* с *ф*? То, что эти написания не противоречат фонематическому принципу, вовсе не означает, что они фонематичны. Чтение (произношение) этих написаний, действительно, однозначно, диктуется написанием. Однако письмо не диктуется произношением: для пишущего здесь налицо выбор, и при том нередко мучительный и трудный. Почему надо писать *винегрет*, а не *венигрет*, *венегрет*, *винигрет* или даже *вянегрет*, *вемягрет* и т. д.? Пример для согласных: написания *вт* и *фт* допускают одно чтение — [фт]. Однако произносимое сочетание [фт] допускает двойное написание *вт* и *фт*. Фонематичными следует считать только те написания, которые двусторонне однозначны — однозначны в произношении и однозначны в написании. Иначе — однозначны как для читающего, так и для пишущего.

Если же написание однозначно для читающего, но требует выбора для пишущего, то оно может считаться морфологическим, в той мере, в какой обеспечивает единый зрительно-графический образ морфемы (ср. *сапог*, *сапожки*; *калач*, *калача*), но не фонематическим, т. к. для пишущего требуется выбор между буквами *а* и *о*, не регулируемый никакими правилами (ср. в произношении: [сапók], [сѣпажók]; [калáчʹ], [кѣлчáʹ]). То же можно сказать о написаниях суффиксов *-в*, *-ви*, о флексии род. п. ед. ч. *-ов*, *-т* и *-ишь* в личных окончаниях глаголов, о словах с *авто* (*автомат*), с *-навт* (*космонавт*) и многих других. Поэтому следует констатировать, что нефонематических написаний в русской орфографии много, гораздо больше, чем принято думать. Это — огромное количество «непроверяемых» безударных гласных, это — немалое количество непроверяемых согласных в тавтоморфемных сочетаниях, это и многие грамматические элементы. Одни из них обычно не представляют трудности. Таковы, например, конечные *-т* и *-шь* в личных окончаниях (*глядит*, *глядят*, *смотришь*). Однако уже в окончании *-ов* (*столов*), суффиксов *-в*, *-ви* (*начав*, *начавши*) ошибки встречаются. В других случаях — а их много — кроются значительные трудности для пишущего, т. к. они морфологически нелокализованы и в то же время однозначно не определяются произношением. Приведем несколько примеров: *асбест* (ср. *Казбек*); *второй* (ср. *кофта*), *Кавказ*, *Афганистан*, *сарай*, *собака*. Правильное написание в этих случаях усваивается из чтения. Чем больше (в особенности, учащийся) читает, чем он развитее, тем скорее он усваивает зрительный образ соответствующих морфем и слов. Так как случаев с неоднозначной звуковой базой для написания особенно много среди слов иноязычного происхождения, то определенное значение для их усвоения имеет знакомство с иностранными языками.

То обстоятельство, что непроверяемый звук [ф] перед глухой согласной обычно обозначается буквой *в*, приводит к ошибке типа *филосовский*, а казалось бы, безобидное этимологическое, абсолютно произвольное с точки зрения современного языка, вполне «морфологическое» написание окончания *-ого* (*старого*) приводит к ошибке *дѣшего* (оба примера из вступительных сочинений поступающих в МГУ!).

При решении вопросов орфографической нормализации существенное значение имеет учет тенденции в развитии устной речи и обусловленных ими стихийных изменений в орфографической практике (частью с течением времени в какой-то мере отражаемых в словарях). Так, нельзя не отметить, что в предударных слогах буква *о* сменилась буквой *а*, например: в следующих словах: *карман*, *каланча* (первое *а*), *казак*, *камора*, *паром*, *Кашира*, *стакан*, *сатана*, *балаболка*, *каравай*, *таракан*, *тараторить* и др. Эти слова в прошлом писались с *о*. Это несомненно связано с укреплением аканья как нормы национального языка. Нельзя не отметить и того, что согласные, отличавшиеся друг

¹ См.: «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии». М., 1965, стр. 36.

от друга глухостью/звонкостью, утратив морфологический стык или просто оказавшись рядом, начинают писаться, как и все тавтоморфемные сочетания, буквами только звонких или только глухих *здесь* (в скобках *здесь* и далее указывается древнерусское: *сьдесъ*), *езде* (*вьсьде*), *дважды* (*дѣвашьды*), *трижды* (*тришьды*), *здоров* (*сьдоровъ*), *ни зги* (*стьга*, ср. *стьга*), *жбан* (*чьбанъ*), *пчела* (*бъчела*), *оптом*, *оптовый* (*обътъмъ*); корень *здесь* тот же, что в словах *общий*, *общество* и др. Нельзя не учитывать, что при отсутствии выделяемого в системе современного русского языка стыка морфем двойные согласные заимствованных слов в произношении имеют активную тенденцию к упрощению. Последняя осуществляется в огромном количестве случаев. Без двойных согласных произносятся, например, слова *артиллерия*, *аллея*, *коллекция*, *коллектив*, *металлический*, *грамматика*, *суббота*, *аппарат*, *аппетит*, *аккорд*, *аккуратный*, *профессор*, *терраса*, *территория*, *баррикада* и многие другие. Этот процесс отражается и в написании ряда слов. Например, еще недавно писали с двойными согласными слова *адрес* (ср. франц. *adress*), *адресат* (ср. нем. *Adressat*), *атака* (ср. франц. *attaque*), *афера* (ср. франц. *affaire*), *афиша* (ср. франц. *affiche*), *галерея* (ср. итал. *galleria*), *коридор* (ср. франц. *corridor*), *кулисы* (ср. франц. *coulisses*), *литература*, *литера* (ср. лат. *litteratura*, *littera*), *официальный* (ср. лат. *officialis*), *официант* (ср. лат. *officians* — *officialis*), *рапорт* (ср. франц. *rapport*). Двойные согласные языка-источника передаются в русских написаниях непоследовательно: в одном и том же слове одни из них сохраняются, другие нет. Ср., например, написания *терраса* при франц. *terrasse*, *апелляция* при франц. *appellation*. Двойные согласные могут наличествовать в одном из западноевропейских языков и отсутствовать в другом. Русское *трасса*, заимствованное из немецкого (*Trasse*), само восходит к французскому *tracé*. Почему вопреки тенденции к упрощению двойных согласных не на стыке морфем это слово пишется у нас по немецкому, а не по французскому образцу? Немотивированность написания двойных согласных, их необусловленность произношением ведет к большому количеству ошибок, основанных, примерно, на таком размышлении пишущего: «В этом слове где-то пишутся двойные согласные, но где именно?». Произношением не подсказывается, и на этой почве появляются непринятые сейчас и поэтому ошибочные написания *терасса*, *апелляция* (как мы видели не неправильные с точки зрения языка-источника). На этой же почве появляются «гиперизмы» — написания ошибочные по отношению к языку-источнику, например, *проблема* при франц. *probleme* и *граммофон*, *телеграма* при греч. *ὑβρίσμα*. Особенно часты ошибки в собственных именах, например, *Аполлон* вм. *Аполлон*, *Кирил* вм. *Кирилл*. Эти и подобные явления следует иметь в виду при кодифицировании орфографических норм.

Из предыдущего изложения можно сделать вывод: если просеять сквозь «сито» орфографических правил все слова русского языка, то останется очень много слов, в которых имеются написания, не регулируемые никакими правилами. Поэтому вполне возможно изменить написание тех или иных слов не меняя никаких орфографических правил. В самом деле: какие правила мы изменим, если станем писать *азбест* или *сабака*? Какие правила изменились, когда вместо прежде более употребительных *мятель*, *лягавый* стали писать *метель*, *легавый*? Никакие!

Другой вывод заключается в том, что идеальной орфографии, видимо, быть не может. Она не может существовать уже потому, что нет идеального, статически синхронного состояния системы языка. В самом деле, вытекает ли из синхронных отношений написание *в* в *встреча*, *втуне*, *всуге*, *вкус*, *чувство*, *завтра*, *ес* в *вспять*, *б* в *собственность*, *обстоятельство*? Оправдано ли фонематически написание *б* и *п* в *кобчик* ('хищная птица'; ср. укр. *кобѣць*, *кібця*) и *копчик* (нижняя конечная часть позвоночника) при отсутствии корней этих слов с конечным согласным в сильной позиции?

Такой орфографии не может быть и потому, что многообразные требования, которые предъявляются к ней, порою противоречат друг другу; например, не всегда совпадают интересы пишущего и читающего, интересы полиграфии и требования фонологической системы языка. Естественна в какой-то степени оглядка на написание заимствованных слов, в особенности, научной терминологии, интернациональной лексики в языке-источнике. Естественно также стремление по возможности сохранять принятое написание, чтобы облегчать чтение письменной (печатной) продукции предшествующих поколений и т. д. Что хорошо с одной точки зрения, нередко оказывается нецелесообразным с другой.

Поэтому для орфографии возможно лишь стремление к идеалу. Любые изменения в орфографии касаются практически всего населения, т. е. наше современное общество стопроцентно грамотно. В связи с этим их следует вносить в высшей степени осмотрительно с учетом всех, иногда противоречащих друг другу факторов на основе разумного компромисса и, конечно, всестороннего и глубокого научного исследования.

В итоге приходится констатировать, что орфографические трудности сохраняются даже после того, как на основе учета всего словарного состава будут применять меры к упорядочению противоречивых написаний, устранен разноречивый. Остается утешиться тем, что в орфографиях многих других языков этих трудностей значительно больше.